

революційно, але постійно і системно і здійснюватись як урядовими, так і громадськими культурами» [4, 25].

На завершення прочитаємо М.Рябчука. Зазначаючи, що українське населення, яке “щораз більше ототожнює себе з Україною і щораз менше – з “Росією” та “СРСР”, дослідник пише: “Чи трансформується коли-небудь ця політична “українськість” у культурну, сказати важко” [12]. Спробуємо продовжити цю думку і поставимо питання так: “Чи стануть коли-небудь політична та культурна “українськість” справжньою? Адже існує в світі приклад Ірландії, котрий красномовно свідчить, що мовою колишньої колонії може лишатися мова метрополії.

ЛІТЕРАТУРА

1. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолінгвістика: Учебник для вузов. – М.: Рос. Гос. гуманит. ун-т, 2001. – 439 с.
2. Вусик Г.Л. Типологія станів мовної ситуації в центрально-східній Україні в першій половині ХХ століття. Автореф. дис. канд. філ. наук. – Дон., 2005. – 18 с.
3. Ганцевич О. Порівняльний аналіз мовної ситуації в Україні та ісламській республіці Іран // Українська мова. – 2003. – №1(6). – С. 14–21.
4. Зарецький О.В. Мовна ситуація в країні: стереотипи свідомості // Українська мова. – 2006. – №3. – С. 22–31.
5. Крысин Л.П. Социолінгвістические аспекты изучения современного русского языка. – М.: Наука, 1989. – 186 с.
6. Лазаренко Л. Досвід мовних політик світу й українська перспектива // Українська мова. – 2003. – №4. – С. 3–19.
7. Масенко Л.Т. Мова і політика. – К., 1999. – 99 с.
8. Масенко Л.Т. Українська соціолінгвістика: історія, стан, перспективи // Українська мова. – 2007. – №1. – С. 3–19.
9. Национальный состав населения СССР / По данным всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991.
10. Приходько І. Світова практика відродження національних мов та імперський лінгвоцит в Україні // Педагогічна думка. – 2004. – №1. – С. 10–18.
11. Радчук В.Д. Мова в Україні: стан, функції, перспективи // Мовознавство. – 2002. – №2–3. – С. 39–45.
12. Рябчук М. У пошуках “українського Маркеса”. До підсумків літературного року // Критика. – 1998. – 1(3). – С. 7.
13. Стишов О.А. Особливості розвитку лексичного складу української мови кінця ХХ ст.. // Мовознавство. – 1999. – №1. – С. 7–21.
14. Тараненко О.О. Українська мова і сучасна мовна ситуація в Україні // Мовознавство. – 2001. – №4. – С.1–19.
15. Каченко О.Б. Українська мова і мовне життя світу. – К.: Спалах, 2004. – 272 с.
16. Українська мова: Енциклопедія. – К.: Вид-во «Укр. енцикл.» ім. М.П. Бажана, 2004. – 824 с.

Михаил ЛАБАЩУК

© 2009

СОЦИОЛЕКТНЫЙ АСПЕКТ СЕМАНТИКИ

Среди многих аспектов категории *социального* важным социальным фактором является язык. В ХХ веке проявился небывалый ранее интерес представителей почти всех гуманитарных отраслей науки к языку, например, в философии и логике этим характеризовались прежде всего теории Г.Фреге, Б.Рассела, Л.Витгенштейна, представителей Львовско-Варшавской школы и др., в социологии – Г.Тарда, в семиотике – Ч.Пирса, в психологии – Л.Выготского, в этнографии – Б.Малиновского и др.

В данной статье из таких традиционных антиномий как «индивидуальное – социальное», «эмоциональное – рациональное», «филогенез – онтогенез», «поведение – язык» с вытекающими, в свою очередь, из последней дихотомии новыми антиномиями «язык – речь», «инвариант – вариант» и др. обратим внимание прежде всего на дихотомии «язык – поведение», «индивидуальное – социальное» и «эмоциональное – рациональное».

Отмеченные выше ученые хорошо понимали то, что поведение человека, то есть его поведение социально-практическое, психофизиологическое, мыслительное и языковое является многослойным и многоуровневым. То, как человек что-то эмоционально чувствует, ощущает и желает, не то же самое, как он себе это чувственно представляет, то есть уровень чувственных ощущений, эмоций и желаний – не то же самое, что уровень чувственных представлений. Уровень рациональных представлений, а даже рациональных суждений и высказываний не то же самое, что уровень иерархии, системности и категориальности ценностей, что, в свою очередь, не то же самое, что уровень прагматических суждений и высказываний. При этом все отмеченные выше уровни вместе – не то же самое, что качество воли, актуальные интенции конкретного человека или, тем более, физические действия человека. Именно данные аспекты и отношения характеризуют и определяют поведение человека.

Ч.Пирс для характеристики поведения использовал категории желания, абстрагирующего наблюдающего воображения, пропозиции, типологии знаков и суждения. Речемыслительная деятельность, в его понимании представляет собой следующую модель:

– в ответ на свое желание вопрошающий обращается к внутреннему наблюдающему воображению, в котором он представляет себе нечто вроде схематического наброска себя самого и положения вещей, исследует эти отношения, изменения, требуемые в них ситуацией, и соотносит это все со своим желанием. Все эти внутренние отношения представляют собой нечто вроде выражения личного отношения к пропозиции. Данный акт семиотического выражения отношения к пропозиции является сознательным действием, предполагающим ответственность перед социальным или моральным законом. Следовательно, акт принятия пропозиции означает приведение в соответствие самой пропозиции и желаний таким образом, что это начинает управлять поведением данного человека, в том числе управлять мыслительным и речевым его поведением (см.: Пирс, 2000: 47, 60, 102). Причем, если это установленное соответствие входит в привычку, всегда есть или возможна разная мера осознанности в желании изменить это соответствие. Значительную, даже решающую роль в становлении пропозиции, соответствии ее с желаниями выполняет язык.

Отмеченная Ч.Пирсом модель речемыслительной деятельности является примером сложного протекания внутренних психических процессов при разрешении сложных случаев социальных отношений. В реальности человек чаще пользуется готовыми ответами-штампами, предоставляемыми социумом в форме стереотипов как результатов подражания, внушения или принуждения. И вот здесь слова в разных контекстах выполняют функцию либо стимула автоматической реакции, алгоритма действия либо возможности анализа. Обычный человек редко задумывается критично над персвазийной функцией языка. Однако в науке очень широко известны теории воздействия языка на поведение человека, например, теория лингвистической относительности Сепира-Уорфа, теория координирующей функции языка Б.Малиновского, современная теория онтологии метафор мышления Лакоффа-Джонсона и др.

В современных исследованиях традиционно как важнейшие функции языка отмечаются коммуникативная и когнитивная функции. Против подобного понимания еще в начале XX века выступал Б.Малиновский, который даже осуждал такой подход за вред, принесенный лингвистике и антропологии: «Błądne pojmowanie słowa jako środka przekazywania słuchaczowi idei mówiącego w moim przekonaniu znacznie wypaczyło filologiczne podejście do języka» (Malinowski, 1987: 37). Как важнейшие функции Б.Малиновский последовательно отстаивал регулятивную и персвазийную функции языка: «Słowa, które przekazywane są przez jeden podmiot działania drugiemu, bez względu na to, czy realizują one działania techniczne, czy sportowe, czy też prowadzą eksperyment naukowy w laboratorium albo współpracują słowem i czynem przy wykonywaniu prostych prac manualnych – nie służą przede wszystkim przekazywaniu myśli; łączą one pracę i korelują ruchy rąk i ciała Luria. Słowa są częścią działania i jego ekwiwalentem» (там же)⁹⁴. В научных исследованиях слишком часто слова,

⁹⁴ см. также: «[Słowo] staje się przede wszystkim bodźcem do działania, bodźcem do bardzo specyficznego i określonego działania, bodźcem skorelowanym z sytuacją, to jest z otoczeniem, z ludźmi i przedmiotami, którymi dysponują» (там же: 105),

«Słowa są szczególnie potrzebne jako środek manipulowania rzeczami» (120),

«...słowa w ich pierwotnym i zasadniczym sensie działają, wytwarzają i osiągają» (100),

«Znaczenie słów to skutek, jaki one wywierają na ludzkie umysły i ciała, a poprzez nie na otaczającą rzeczywistość, taką jaką została stworzona w danej kulturze i jaka jest postrzegana...

фразы, формулы вежливости, магические формулы, цитаты, тексты вырываются из их стилистических, экономических, юридических, политических, религиозных контекстов, предиспозиций, их эффектов, при этом наступает, как это отмечает Б.Малиновский «wyjałowienie zarówno lingwistyki, jak i socjologii» (там же: 103).

Факт асимметрии системы языка, системы понятий и системы ценностей совсем не является очевидным обыденному сознанию. В пределах одного языка и одной культуры это очень трудно обнаружить без специальной подготовки. Особенно заметна асимметрия при взаимодействии или сравнении различных языков или культур. Однако даже в пределах одного языка и культуры обнаружение отмеченной асимметрии не является невозможным. Дело в том, что всякий так называемый «социальный язык» (например, литературный язык), национальная культура состоят из языков и культур отдельных личностей, отдельных семей, из языков и культур отдельных социальных групп (например, профессиональных, политических, территориальных и др) и т.д. Факты речевого и поведенческого взаимодействия данных социальных единиц позволяют наблюдать асимметрию когнитивных способностей точно так же, как факты взаимодействия разных языков и культур. Материал такого типа исследования является очень богатым и разносторонним как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах. Социолектный аспект семантики является тем же самым идиолектным аспектом семантики, однако, в отличие от сугубо личностных смыслов идиолектной семантики ее социолектный аспект является наиболее социально утвердившимся, то есть общепринятым и традиционно понимаемым.

Социолингвистические теории Г.Тарда, Б.Малиновского, А.Леонтьева и др. демонстрируют то, как социальный опыт коррелирует с опытом индивидуальным, и то, как психологические категории внушения и подражания постепенно, но последовательно корректируют индивидуальные смыслы и значения. Эти уже исторические теории имеют очень актуальное значение, поскольку они не только повторяют старые антиномии или создают новые, но, во-первых, градуируют дихотомии по степени противопоставленности, а, во-вторых, во главу угла ставят прагматичность теории.

Общество – это не только условие появления личности, но и условие ее совершенствования, а вместе с тем совершенствования общества. Г.Тард, исследуя телеологию общества, в первую очередь обращался к логике и к языку и утверждал, что социальная логика должна охватывать собой и все нелогичное. Прежде всего к сфере нелогичного Г.Тард относит явления психические, следовательно, в соответствии с его мнением, социальная логика должна обязательно включать в себя социальную и индивидуальную психологию.

Г.Тард понимал общество как систему, социальный план, как сложный силлогизм, соотносимый с множеством единичных силлогизмов с разной степенью желаний и верований. Общество как сложный силлогизм в данном понимании – это своеобразный социальный организм, а единичные силлогизмы разной степени желаний и верований – это индивиды. Это однозначно отмечено у Тарда в номинации «социальное существо» (см.: Тард, 1996: 7). Понимание общества как своеобразного существа [*существа, у которого головы функционируют отдельно, а все остальные органы являются общими (см. там же: 7), «социальное существо менее явственно ограничено во времени и пространстве» (там же)*] тем более примечательно, что Г.Тард является противником онтологизации общества: «[является] заблуждением, что социальный факт, поскольку он социальный, существует вне всех своих индивидуальных проявлений» (1996: 6), «социология не то же самое, что онтология» (там же). Общество – это концепт, но не надличностный феномен. Социальная теория Г.Тарда более психологизирует и индивидуализирует общество (хотя называется социальной логикой), чем социологизирует личность. Подобным образом и теории Б. де Куртенэ, Ф. де Соссюра, Л.Выготского и др. в противовес множеству социоцентристских теорий, скорее признают личность субстратом и формой общества, чем общество формой личности.

W mowie tego typu interesuje nas to, że we wszystkich społeczności istnieje przekonanie, że pewne słowa mają potencjalną moc wywoływania działań. Wypowiesz słowa przysięgi lub złożysz podpis i może okazać się, że na całe życie związałeś się z zakonem, kobietą lub więzieniem. Wypowiesz inne słowo i miliony ludzi czują się szczęśliwie, tak jak to się dzieje, gdy Ojciec Święty błogosławi wierzących. Ludzie postawią wszystko na jedną kartę, zaryzykują swoje życie i majątek, wezmą udział w wojnie lub niebezpiecznej wyprawie, ponieważ wypowiedziano kilka słów. Słowa te mogą składać się na niemądre przemówienie współczesnego «przywódcy» lub premiera, na formułę sakramentalną czy niedyskretną uwagę raniącą «honor narodowy» albo też na ultimatum. W każdym z tych przypadków jednak słowa są równie silnymi i determinującymi przyczynami działania» (101).

Из этого можно сделать следующий вывод: понимание общества как особого существа и как чистой абстракции является двумя крайностями, между которыми должны быть найдены содержание и форма для такого явления как общество. Можно использовать для иллюстрации общества как явления исключительно психофизиологического факт из физического мира: одна струна вибрирует и в определенных условиях может стать (причем, может стать, а может и не стать) причиной вибрации другой струны – вот это время, место и форма данного взаимодействия вместе со всеми их характеристиками и является физической аналогией и моделью общества, которая (модель) может существовать относительно кратковременно или долгосрочно либо прекращать свое существование. В данном случае струна может быть метафорой личности, а явление физического резонанса с полным правом может быть метафорой психо-социальных категорий подражания и внушения.

В социологии высоко оценивается социальная роль подражания, утверждается даже, что подражание превосходит по своей важности обучение. Все, что является врожденным, является биологичным, а все, приобретенное в обществе (напр., умение не просто двигаться или ходить, а танцевать, не просто есть, а есть известным образом и т.д.), является социальным. Г.Тард ставит знак равенства между социальным и подражательным: «Это наиболее верный пробный камень для того, чтобы отличить социальное от того, что только физиологически жизненно» (там же: 5). И.Кант считал: «Физиологическое человековедение имеет в виду исследование того, что делает из человека *природа*, а прагматическое – исследование того, что *он* как свободно действующее существо делает или может и должен делать из себя сам» (Кант, 2002: 131). Однако все, что человек может сделать, является социальным по происхождению, поэтому человек имеет лишь меру свободы в выборе и комбинировании социальных приоритетов. Прагматическое исследование направлено на исследование двух разнонаправленных аспектов – индивидуального и социального. В социально-психологической действительности, по сравнению с действительностью физической, аналогия резонанса как подражания усложняется действующей категорией внушения (наряду с категорией социального принуждения).

Следующей важной антиномией является противопоставление эмоционального и рационального. Важнейшими функциями социальных отношений являются функция становления рациональных способностей индивида и в связи с этим функция преломления эмоций, то есть социализации и интеллектуализации эмоций. Для уяснения в человеке отношений эмоций и рационально-логических способностей Г.Тард предложил две своеобразные категории:

1 - категорию степени логической уверенности (баланса степени верования и степени желания), которая не только далека от классической логики, но и подрывает доверие к ней: «...общее суждение строится главным образом не на достоверностях, не на высочайшей степени уверенности, которой некоторые мыслители несправедливо отказывают в названии верования, но на верованиях спорных и часто чрезвычайно слабых. Следовательно, не придавать никакого значения рассмотрению различных степеней веры – значит допустить очень крупный пробел в изучении предмета (выделение наше – М.Л.)» (Тард, 1996: 48), см. также: «Степень интенсивности желания, которому верят, может изменяться в чрезвычайно широких пределах. Возможны следующие предположения: слабое желание и большое доверие к действительности средства, или, наоборот, сильное желание и малое доверие, или же слабое желание и малое доверие, и сильное желание и большое доверие» (там же: 74).

2 - категорию типологии силлогизмов: «...четыре типа рассуждений, которые можно разложить на столько же подразделений, сколько имеется степеней верования:

- 1) суждения достоверные, связь между которыми считается достоверной;
- 2) суждения вероятные, связь между которыми считается достоверной;
- 3) суждения достоверные, связь между которыми считается вероятной;
- 4) суждения вероятные, связь между которыми считается вероятной» (там же: 61).

В тардовской категории степеней верования и степеней желания категория *верования* (преимущественно логическая категория) – это в конечном счете та же категория *желания* (преимущественно эмоциональная категория), только многократно опосредованная. В этом отношении Г.Тард выступает против классической логики, которую он называет, скорее, логикой исключительных явлений опыта человека, оставляющей без внимания абсолютное большинство социальных фактов.

По мнению Г.Тарда, задача социальной эволюции «...заключается в том, чтобы производить логическое с помощью нелогического, рациональное с помощью нерационального.

Следовательно, опасность состоит в том, чтобы не жертвовать постоянно одним из этих стремлений для другого, и у грамматиков, как и у юристов, теологов, или в настоящее время у социалистов, есть резко выраженная склонность неправильно отдавать предпочтение первой, тогда как масса, по счастью, обладает противоположным стремлением» (там же: 280). В отношениях категорий логического и ценностного весьма поучительным является то, что современные радикальные культуры, отвергающие рационально-логический и эмоционально-культурный тип мышления западного общества, охотно пользуются его цивилизационными достижениями – компьютерами, телефонами, автомобилями, оружием и т. д.

Социальная логика Тарда опирается на чисто кантовский принцип: «Доказывать реальность внешних предметов согласием относящихся к ним правильных суждений и доказывать правильность этих суждений предполагаемой реальностью внешних предметов – это ложный круг» (там же: 58), см. также: «[теория, как и сама жизнь] требует беспрестанного возобновления восприятий, среди которых, конечно, не могут не оказаться разнородные, и беспрестанного возобновления идей, между которыми, конечно, не могут не найтись противоречивые» (там же: 107). Языковая способность служит для опосредования и апробирования отношений между постоянно поступающей сенсорно-чувственной информацией и рационально-логической аналитической способностью человека.

Индивидуальные значения субъекта имеют две разнонаправленные тенденции – к максимальной их социализации, к традиции, к унифицированию и к максимальной их индивидуализации, уникализации. Оптимальность (прагматичность) функциональной асимметрии социального и личного является как бы внешней стороной проявления внутренней функциональной асимметрии следующих важных категорий: индивидуальной системы языка и индивидуальной системы понятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения, Москва, 1999
2. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики, Москва, 1972
3. Пирс Ч. Начала прагматики, Санкт-Петербург, 2000
4. Тард Габриэль Социальная логика, Санкт-Петербург, 1996
5. Malinowski B. Ogrody koralowe i ich magia // Dzieła, t. 5, Warszawa 1987

Наталья МАТОРИНА

© 2009

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Любовь к языку – одно из неотъемлемых чувств, которые мы должны развивать у наших воспитанников: учащихся общеобразовательных заведений, студентов педагогических вузов. Равнодушие к языку, скудость его, небрежное к нему отношение, порча этого языка, засорение его совершенно нетерпимы. Вот почему проблема повышения интереса студентов и учащихся к лингвистическим вопросам – одна из актуальных проблем современной методики.

Сегодня, как и прежде, педагоги-словесники ставят перед собой «вечные» вопросы, актуальные и для школы, и для вуза, и для педагогической науки: как пробудить интерес и обеспечить мотивацию к познавательной деятельности на занятиях по языку, как эффективно организовать учебно-познавательную деятельность и т.п.

Практика показывает, что интерес к занятиям по языку (без интереса к предмету нельзя достичь успеха) возникает, прежде всего, тогда, когда изучающие язык открывают для себя что-то новое, неожиданное, когда вдруг оказывается, что непонятные языковые явления вполне объяснимы, когда приходит понимание, что лингвистика – одна из интереснейших наук, в которой много неизвестного, загадочного, неоткрытого, а язык – постоянно изменяющийся объект с объективными тенденциями в развитии, причины возникновения которых (как системные, так и внешние, социально обусловленные) вполне определяемы.